

DOI: 10.31857/S032103910029261-0

XIII ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МИУССКИЕ АНТИЧНЫЕ ПОСИДЕЛКИ»

(Москва, 31 марта – 1 апреля 2023 г.)

В нынешнем году в Институте восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета в рамках ежегодных «Гуманитарных чтений» после длительного перерыва были проведены очередные «Миусские античные посиделки». Их тема на этот раз была обозначена так: «Эллинизм и иранизм. Круглый стол по обсуждению монографии Шарлотт Леруж-Коэн “*Souvenirs du passé perse à l’époque hellénistique: Arménie. Cappadoce. Commagène. Perside. Pont. Royaume arsacide*”¹. Всесторонний анализ этой только что опубликованной капитальной книги французской исследовательницы из Университета Нантер (Париж) лег в основу конференции, поскольку автор, неоднократно обращавшаяся к подобной тематике и ранее², предложила собственный оригинальный взгляд на многие проблемы этого круга, безусловно, заслуживающий подробного обсуждения.

Участникам конференции было предложено: обсудить те или иные подходы, концептуальные положения, трактовки некоторых фактов политической и культурной истории эллинистического мира в монографии Ш. Леруж-Коэн, вступая в случае необходимости в полемику с ними; на примерах конкретных сюжетов проанализировать особенности взаимодействия греко-македонских, иранских и иных «варварских» начал в истории эллинистических монархий Востока; выявить специфику римской политики на Востоке I в. до н.э. – II в. н.э. и обозначить проблему сохранения иранско-эллинистического наследия в восточных провинциях Римской империи.

В приветственной речи проректор РГГУ, заведующий кафедрой истории Древнего мира ИВКА П. П. *Шкаренков* (Москва) отметил значимость выбранной темы и перспективность подобных исследований, особенно в свете открытия в новом учебном году в ИВКА РГГУ программ бакалавриата по истории и культуре Древнего Ирана и магистратуры по антиковедению. Во вступительном слове «Эллинизм и иранизм: постановка проблемы и поиски ее решения» председатель оргкомитета конференции О. Л. *Табелко* (Москва) обрисовал современную историографическую ситуацию в сфере иранско-эллинистических исследований. В последние десятилетия за рубежом вышел целый ряд содержательных работ по этой и смежной тематикам³. Многие поднятые Ш. Леруж-Коэн проблемы как конкретного, так и концептуального характера чрезвычайно интересны, но пока что нет оснований рассчитывать на их окончательное разрешение. Остаются дискуссионными, например, имеющие принципиальную значимость вопросы о смысле понятия «эллинистический Восток», его географических пределах и хронологических рамках, о том, в какой мере можно считать эллинистическим государством парфянскую державу Аршакидов и так или иначе ассоциированные с ней мелкие государственные объединения Переднего Востока. Детальный анализ различных аспектов римской политики на Востоке позволяет подробнее рассмотреть пути интеграции иранско-эллинистических государ-

Работа выполнена при поддержке РНФ в рамках гранта № 22–28–0121 «История Каппадокийского царства (IV в. до н.э. – I в. н.э.). Политика, экономика, культура».

¹ Lerouge-Cohen 2022.

² Помимо многих ее статей, опубликованных в авторитетных периодических изданиях и содержательных коллективных монографиях, достаточно отметить монографию Lerouge-Cohen 2007.

³ Stronk 2017; Strootman, Verslyus 2017 (показательно, что в данной монографии содержатся статьи двух участников нынешних «Посиделок» — А. В. Махлаюка и Э. В. Рунга); Kaizer 2022.

ственных объединений в римскую державу и придать надлежащую четкость вопросу о «долгом эллинизме», оспорив практически общепринятую, но все более и более кажущуюся сугубо условной дату «окончания» эллинизма — 30 г. до н.э.

В соответствии с выбранной проблематикой были определены секции конференции, традиционно именуемые «сидениями»: «монархическо-ахеменидское», «“нормальное” иранско-эллинистическое», «римско-иранско-эллинистическое» и «искусствоведческо-историографическо-рецепционное». В работе приняли участие 16 исследователей из пяти городов России.

Первую секцию открыл доклад *А.А. Немировского* и *И.А. Ладынина* (Москва) «Замечания о титуле “царь царей” в переднеазиатской и египетской традиции». В нем было продемонстрировано, что в первые полтора тысячелетия существования гегемоний и крупных держав Ближнего Востока их главы не применяют титул «царь царей» и ему подобные, так как избегают именованья себя и своих вассалов, а также иноземных государей одним и тем же основным титулюющим термином, да еще внутри собственного титула. Однако по мере «привыкания» к существованию примерно равновеликих «царей» и «царств» этот титул начинает спорадически появляться: в Египте — с основания XVIII династии, в Месопотамии — сначала в позднестаровавилонской литературной традиции, а с конца XIII в. — у реальных ассирийских царей. Династии же «молодых» великих держав I тыс. до н.э. — Урарту, Мидии, Персии — и вовсе уже не испытывают в связи со словосочетанием «царь царей» никакой неловкости и делают его стандартным титулом.

И.Е. Суриков (Москва) в докладе «Быт и нравы иранской монархии глазами эллина, но изнутри: Ктесий Книдский» обратил внимание на уникальное место Ктесия среди античных авторов. Этот грек, много лет проживший в Персии и по возвращении на родину решивший ближе познакомиться соотечественников с державой Ахеменидов, в полной мере обладал, можно сказать, «инсайдерской информацией», находясь в высоком статусе лейб-медика. Как историк он пользовался уже в древности заслуженно низкой репутацией, с которой в целом согласны и современные исследователи. Однако ситуация меняется при переходе к тем частям его трактата «Персидские дела» (начиная с 18-й книги), где он выступает уже не в качестве собственно историка, а скорее как мемуарист, рассказывая о событиях, произошедших на его памяти, и о людях, которых знал лично. Среди них — Дарий II, Артаксеркс II, Кир Младший, а отдельно следует отметить Парисатида, от которой Ктесий получил особенно много информации.

Доклад *В.П. Орлова* (Казань) «Шесть знатных персов и их потомки на эллинистическом Востоке» был посвящен анализу генеалогических сведений периода эллинизма, в которых упоминается кто-либо из шести сподвижников Дария I, свергших узурпатора Гаумату: Виндафарна (Интафрен), Утана (Отан), Гаубарува (Гобрий), Видарна (Гидарн), Багабухша (Мегабиз), Ардуманиш (который у Геродота заменен на другого сподвижника Дария I — Аспатина). Автор сделал вывод о том, что возводимые к этим аристократам родословные Митридатидов, Оронтидов и других эллинистических правителей на данный момент можно восстанавливать лишь гипотетически, так как относительно достоверные сведения о потомках заговорщиков относятся самое позднее к V в. до н.э. Свидетельства последующего времени практически не сохранились или носят непроверяемый характер.

В докладе *Э.В. Рунга* (Казань) и *О.Л. Габелко* (Москва) «Соправительство, регентство или выбор наследника? Ахеменидские истоки династической политики на эллинистическом Востоке» рассматривались вопросы преемственности власти. Одним из средств ее обеспечения был выбор наследника, который часто оказывался связан с соправительством и/или регентством. В истории Ахеменидской империи большинство случаев, когда правящий монарх назначал преемником своего сына и предоставлял ему царский титул, фиксируются в текстах античных авторов. Древневосточные свидетельства, кажется, предполагают, что наследник царским титулом не обладал, если только он не назначался непосредственно царем, как это было в случае с Камбизом при Кире Великом. В эпоху эллинизма интересные примеры воспроизведения ахеменидских династических практик зафиксированы у царских домов Понта и Каппадокии. В их истории встречаются привлечение наследника к государственному управлению (включая «настоящее» соправительство?) и регентство (в т.ч. осуществляемое царицами). Каппадокийские монархи порой прибегали к усыновлению будущего наследника, практиковали передачу власти преемнику при фактическом отречении от власти (престарелого?) действующего монарха, а также, согласно ахеменидской традиции, принимали официальные «тронные имена» при вступлении на престол.

В начале второй секции *И. Н. Коровчинский* (Москва) в докладе «Пожалование городов в державе Ахеменидов и эллинистическом мире» обратился к рассмотрению тезиса монографии Ш. Леруж-Коэн, согласно которому пожалование городов царями персов предполагало не управление, а лишь получение доходов. Однако анализ текстов античных авторов, писавших о пожалованиях в державе Ахеменидов (Фукидида, Ксенофонта), показывает, что лица, получившие такие дарения, независимо от их этнического происхождения, именно правили городами. Упоминание Диодором Сицилийским (XXXIII. 5. 1) фактической покупки у представителя селевкидской администрации финикийского города Марафа враждебными ему жителями Арада с целью истребления марафийцев также говорит о том, что в эллинистическом мире государство передавало не только доходы с городов, но и широчайшую власть над ними, включая фактически власть над жизнью и смертью их жителей.

С. В. Смирнов (Москва) представил доклад «Каппадокийские выпуски тетрадрахм Антиоха VII и нумизматический подход Ш. Леруж-Коэн». Он рассмотрел давно известную в науке проблему — серийный выпуск имитаций тетрадрахм селевкидского царя Антиоха VII каппадокийскими правителями, главной причиной которого стало практически полное отсутствие в чеканке Каппадокии того времени крупных серебряных номиналов. Более того, адаптация тетрадрахм Антиоха VII в качестве образца для имитаций была продиктована особенностями обращения монет данного типа, которые, судя по многочисленным монетнымкладам, были весьма распространены в Малой Азии, Сирии и Закавказье. Тем не менее монетный тип тетрадрахм Антиоха — «голова правителя/Афина, держащая Нику» — был также ключевым монетным типом каппадокийских драхм, что, возможно, подчеркивает иконографическую и идеологическую близость между данными монетными выпусками.

С. В. Обухов (Москва) в докладе «Коммагенские фрурархи по эпиграфическим данным» рассмотрел текст надписи, происходящей из святилища царского культа Антиоха I (69—34 гг. до н.э.) в Арсамее на реке Нимфей (приток Евфрата). Там упоминается фрурарх — начальник гарнизона царских войск, а также царские войска на хоре города. Должность фрурарха с военной властью, отделенной от гражданской, характерна для многих эллинистических государств: Македонии, Понта, державы Птолемеев, царства Селевкидов. Появление же его в коммагенской Арсамее-на-Нимфее, возможно, объясняется тем, что последняя основывалась как укрепленный пункт на границе с Каппадокией, с которой у Коммагены нередко складывались непростые отношения.

М. Ю. Суханов (Сыктывкар) посвятил свой доклад «Знать ахеменидского *Heartland'a* в эпоху перемен: политическая культура эллинистического Парса (IV—II вв. до н.э.)» рассмотрению взаимодействия правителей эллинистического Востока (прежде всего Селевкидов) с аристократическим сообществом Персиды в политико-идеологическом контексте. Автор полагает, что фратараки были представителями персидской знати, чье сохранившееся после свержения Ахеменидов влияние было институционально признано Селевкидами. Фратараки намеренно приняли сложный и не обладающий четкими властными коннотациями «поэтический» титул *prtrk' zy 'lhy' / br prs*, «Фратарака (милостью) богов, перс», за которым, однако, скрывались вполне явные политические и территориальные притязания. М. Ю. Суханов отрицает влияние эллинистической традиции на идеологию местных правителей Парса, в то же время подвергая сомнению и гипотезы о множественных коммеморативных и ретроспективных практиках фратараков в отношении ахеменидского прошлого.

Е. М. Берзон (Москва) в докладе «Храмовые комплексы Вавилонии под властью Аршакидов» поставила следующие вопросы: насколько изменилось положение древних храмовых общин под властью парфянских царей после подчинения Митридатом I Месопотамии в 141 г. до н.э.? Отличалась ли вавилонская политика Аршакидов от политики их селевкидских предшественников? Источники свидетельствуют, что в первые два десятилетия парфянского владычества в Южной Месопотамии регион, по сути, оказался предоставлен сам себе, а парфяне, очевидно, проявляли к нему куда меньше внимания, нежели их селевкидские предшественники. Не существует данных о том, что кто-либо из аршакидских царей принимал личное участие в вавилонских храмовых ритуалах, как и сведений о государственном финансировании строительно-реставрационных работ в вавилонских храмовых комплексах. Население Вавилонии подвергалось набегам извне, а порой и репрессивным мерам и со стороны самих Аршакидов. Все эти факторы, по-видимому, сыграли не последнюю роль в судьбе вавилонских храмовых общин, история которых на рубеже эр подходит к концу.

Доклад *Е. О. Стоянова* (Санкт-Петербург) «Гелиодот и бактрийская Гестия: к интерпретации посвяtitельной надписи Кулябского алтаря» был посвящен одному из значимых памятников греко-бактрийской эпиграфики — посвяtitельной надписи т.н. «Кулябского алтаря» (конец III в. до н.э.). Анализируя содержание надписи, автор рассматривает личность посвяtitеля, перенесение в Бактрию культа Гестии, а также особенности используемой в надписи титулатуры («величайший из царей» Эвтидем) в контексте греко-иранских этнополитических и культурных взаимодействий на «дальнем Востоке» эллинистического мира.

В следующей секции было представлено два доклада. *Г. Л. Криволапов* (Москва) в докладе «Смерть Ариобарзана III: случайность или результат политических интриг?» отметил, что авторы двух главных источников, описывающих события на римском Востоке во время гражданской войны между триумвирами и цезареубийцами 44–42 гг. до н.э., Аппиан и Дион Кассий, расходятся в том, при каких обстоятельствах погиб царь Каппадокии Ариобарзан III. В историографии вследствие этого было выдвинуто множество предположений о причинах произошедшего. Объединение сведений обоих источников и рассмотрение внутривполитической ситуации в самой Каппадокии позволили докладчику предположить, что смерть каппадокийского царя явилась следствием политических интриг, в которых могли принимать участие брат царя Ариарат (X), галатский тетрарх Дейотар, а также римские магистраты Брут и Кассий.

В докладе *А. В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «Персидские (парфянские) цари и династы в “Римской истории” Кассия Диона» был дан комментарий к нескольким пассажам, где упоминаются представители иранских (парфянских, персидских) династий, представлены суждения о восточных противниках Рима и дается их оценка. Как и многие другие античные авторы, Дион нередко смешивает парфян и персов, делает в некоторых случаях отсылки к истории Ахеменидов и восточному походу Александра, в специальном экскурсе описывает военное искусство парфян, характеризуя их как злейших врагов римлян. Из всех иранских правителей развернутую характеристику Дион дает только Тиридату I, брату парфянского царя Вологеза I, прибывшему в 66 г. н.э. в Рим, чтобы получить от Нерона царскую диадему и утверждение на армянском престоле. Но это описание, включающее ряд восточных деталей, служит в большей степени характеристике римского императора, а не парфянского правителя. В целом же в своих упоминаниях иранского мира Дион следует топосам, распространенным в греко-римской литературе.

Искусствоведческая проблематика была рассмотрена на третьей секции. *М. С. Назарова* (Санкт-Петербург) представила доклад «Образы парфян в античных источниках и их интерпретация в искусстве от Древнего мира до Нового времени». Автор отметила, что римская литературная традиция и изобразительное искусство унаследовали от эллинов некоторые особенности восприятия восточных соседей (характеристика парфян как «варваров», наделение их обязательным «восточным вероломством» и проч.). В официальном изобразительном искусстве Древнего Рима также можно проследить определенное сходство трактовки «образов парфян» с эллинским опытом репрезентации персов (элементы костюма, трактовка военных сюжетов). В докладе были проанализированы созданные древнеримскими мастерами изображения парфян в сопоставлении с данными античных письменных источников и выявлена их роль в создании образа противников римлян в европейском изобразительном искусстве. Также были продемонстрированы некоторые собственно парфянские памятники: рельефы, росписи, нумизматический материал, терракоты.

Т. П. Кишбали (Москва) выступил с докладом «Рельеф с “произрастающим божеством” из Дюлюк Баба Тепеси и проблема иконографического консерватизма». Этот рельеф был найден в 2014 г. недалеко от Газиантепа, где в древности располагалось святилище Юпитера Долихена. В докладе были рассмотрены и расширены параллели и интерпретация, предложенные при анализе памятника немецким исследователем М. Блёммером. Докладчик также затронул тему «консервации» образов на территории Коммагены и римской Сирии, поставив вопрос, в какой мере мы можем говорить о продолжении и возобновлении традиций более ранних периодов. Им были рассмотрены и возможности изменений в культе и иконографии, появления новых мотивов, разработанных при этом в русле архаизирующих художественных тенденций региона.

Большая часть докладов сопровождалась презентациями содержательного иллюстративного материала, и все они без исключения вызвали оживленную дискуссию. По материалам конференции планируется публикация сборника статей в издательстве РГГУ.

Литература / References

- Kaizer, T. (ed.) 2022: *A Companion to the Hellenistic and Roman Near East*. Hoboken (NJ).
- Lerouge-Cohen, Ch. 2007: *L'image des Parthes dans le monde gréco-romain. Du début du Ier siècle av. J.-C. jusqu'à la fin du Haut-Empire romain*. Stuttgart.
- Lerouge-Cohen, Ch. 2022: *Souvenirs du passé perse à l'époque hellénistique: Arménie. Cappadoce. Com-magène. Perside. Pont. Royaume arsacide*. Bruxelles—Bern—Berlin—New York—Oxford—Wien.
- Silverman, J.M., Waerzeggers, C. (eds.) 2015: *Political Memory in and after the Persian Empire*. Atlanta.
- Stronk, J.P. 2017: *Semiramis' Legacy: The History of Persia According to Diodorus of Sicily*. Edinburgh.
- Strootman, R., Versluys, M.J. (eds.) 2017: *Persianism in Antiquity*. Stuttgart.

Oleg L. Gabelko,

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia
E-mail: gabelko@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8321-9195
Acknowledgements: Russian Science Foundation,
project no. 22-28-0121

О.Л. Габелко,

д.и.н., профессор
Российского государственного
гуманитарного университета,
Москва, Россия